

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

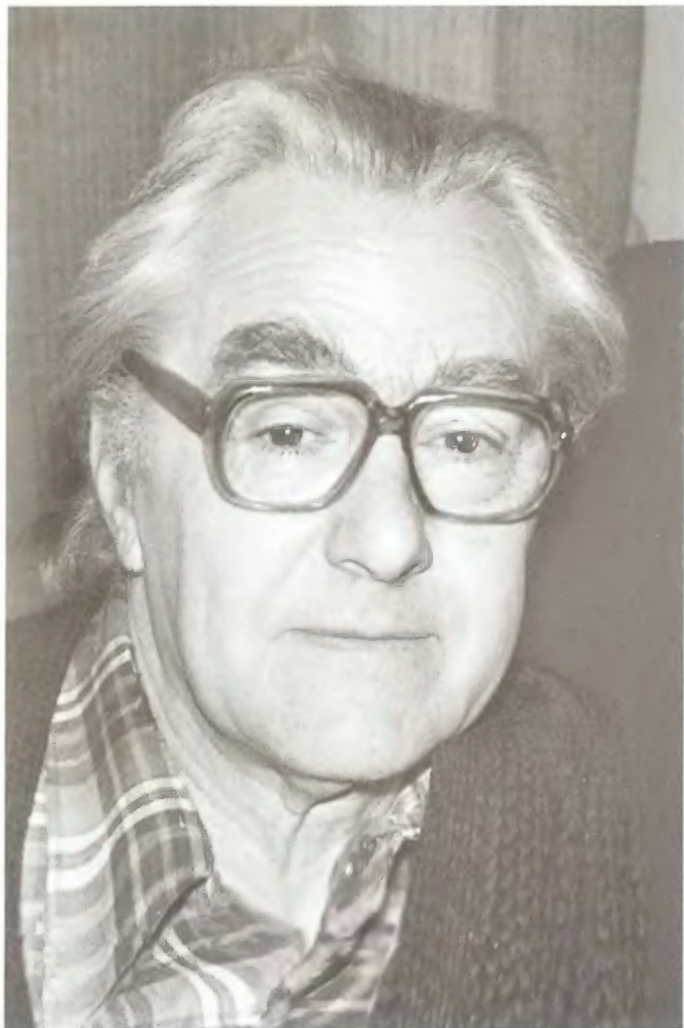
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. **ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский**,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-1-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ 201

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ 221

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА 261

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ 279

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА)..... 285

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ 319

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ 351

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко) 363

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич) 390

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

"THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY": LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-CULTURAL CONTEXT 221

K.L. Bannikov

QUIA ABSURDUM: THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS 261

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR *DEDOVSCHINA*. A BRIEF REMARK 279

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM 285

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES 319

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD 351

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (translated by *G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev, notes by G.V. Bondarenko*) 363

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. "THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF" (translation and notes by *Ye.A. Gurevich*) 390

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?.... 420

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Трудно отыскать другой такой “концепт” в русской средневековой историографии, который, будучи принят в исторической науке, подвергался бы столь регулярному разбору с противоположными оценками его значения и значимости для русской средневековой истории. Для тех, кто признавал, что на Руси в IX–X вв. формируется феодальная государственность (Н.П. Павлов-Сильванский, А.Е. Пресняков и др.), которую воплощает княжеская власть, неприемлема была характеристика С.М. Соловьева, не признававшего термина “феодализм” в отношении древней Руси: Соловьев характеризовал княжескую власть как “родовую”, ибо легитимной со времен призвания *рода* варяжских князей считалась именно власть этого княжеского рода. Тем более эта характеристика была неприемлема для сторонников формационного подхода в советский период, особенно когда Соловьев именовал княжескую власть древнерусского, домонгольского, периода “родовым строем”, ибо “родовой строй” для марксистов был эквивалентен первобытной формации. Государственность, по Соловьеву, формируется в удельный период, с возвышением Москвы, когда московские князья преодолевают родовые связи.

При всей давно оговоренной условности самих терминов “государство” и “феодализм”, вызывает протест их использование при описании российской исторической действительности. Существует давняя традиция отмечать принципиальные различия исторических явлений в России и на Западе, где указанные термины давно стали предметом не только истории, но и классической политэкономии. Так, термины “государь” и производный от него “государство” неизвестны памятникам домонгольской древней Руси (хотя распространены исходные слова “господин, господство”). Можем ли мы употреблять их в отношении структур власти Русской земли до XIV в.? Поиски корректной терминологии заставили обратиться к лексике социальной антропологии, предполагая в древней Руси некую “потестарность” – неформализованные отношения княжеской власти и городов-государств с их волостями (концепция И.Я. Фроянова и его школы в этом

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте. Древняя Русь в культурном пространстве средневековья. IX–XIII вв.”.

отношении перекликается с более ранними построениями М.Н. Покровского, получившими суровую отповедь Б.Д. Грекова¹).

Еще сложнее обстоит дело с терминами “феод”, “аллод” и прочей терминологией, связанной с отношениями земельной собственности. “Как ни вчитываемся в летопись, чтобы подметить в ней указания на земельные отношения дружины, – обреченно писал еще С.М. Соловьев, – не находим ничего...”² Дружина не привязана к своим земельным владениям, сами князья оказываются, по выражению Ключевского, “перелетными птицами”: у них нет своих гнезд вроде европейских каменных городов и замков, бродячая дружинная Русь являет нам государственные формы в их “жидком состоянии” (П.Н. Милюков). Миграционный процесс, охвативший Восточную Европу во второй половине I тыс. н.э., – процесс славянской земельной колонизации, – не завершился со становлением летописной “Русской земли”.

Сама летописная характеристика этого становления не вызывала доверия у критически настроенных историков: Ключевский писал об “очень недурно комбинированной юридически постройке начала Русского государства” в летописи³. Действительно, летописная легенда о призвании из-за моря варяжских князей с их дружиной “всей русью” – конфедерацией из племен чуди, словен, кривичей и мери – как бы призвана служить “учебным пособием” для демонстрации того, что есть государство: власть (из-за моря) здесь отделена от “народа”, народ представляет территориальное объединение, населенное неродственными племенами; наконец, сама формула призвания свидетельствует о синтезе двух традиционных форм господства – “договора” и подданства – “вручения себя”. Князья призваны, чтобы править “по ряду, по праву”. Ряд (договор, по В.Т. Пашуту) – это воплощение формализованных отношений между князьями, городами и племенами-данниками. Дальнейшее изложение истории летописцем производит впечатление “юридической комбинации”: братья Рюрика скоропостижно умирают, так что новгородскому князю остается разослать своих “мужей” по их волостям, чтобы принять власть одному: дружинники Рюрика из Новгорода отправляются в города Ростов (к мере и кривичам), Полоцк (к кривичам), Белоозеро (к веси) и Муром (к муроме). Вероятно, эта традиция не восходит прямо к событиям IX в., но вряд ли она представляет собой конструкцию самого летописца, а не его обладающих властью информаторов рубежа XI и XII вв., для которых первоначальное распределение волостей оставалось актуальным (в частности, новгородский князь соперничает с черниговским князем из-за Мурома⁴). Следует напомнить, что это первоначальное объединение получает, согласно летописи, от варягов и общее надплеменное название – “Русская земля”. Это разноэтническое объединение вызывало (со времен Карамзина) естественные

ассоциации с западноевропейскими раннесредневековыми образованиями вроде государств Меровингов и Каролингов. Отсюда привнесенный Марксом по ассоциации с империей Каролингов и некогда популярный в отечественной историографии термин “империя Рюриковичей”. Чертой политического строя, объединяющей эти образования, был коллективный сюзеренитет семьи правителей, или, по Соловьеву, – власть целого княжеского рода над всей Русской землей. Разделение волостей между представителями княжеского “русского рода” и их дружинниками, собирающими подати и творящими суд, составляли процесс огосударствления или окняжения подвластных им разноплеменных территорий. Маркс характеризовал эту политическую структуру как “вассалитет без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора даней”⁵. В отечественной историографии эти отношения именуются раннефеодальными. Данные археологии во многом уточнили ту общую картину, которую представляют письменные источники, и историкам все чаще приходится обращаться к материалам раскопок.

Однако тенденции, получившие преобладание в отечественной науке с середины XX в., заставляли искать все основы древнерусской государственности на месте, в Восточной Европе. Экономический базис действительно был создан в процессе славянской земледельческой колонизации VI–X вв., но официозной науке необходима была демонстрация социальной или хотя бы имущественной дифференциации в археологических материалах, предшествующих времени призвания варягов и распространения в Восточной Европе скандинавских древностей. Отсюда настойчивое стремление Б.А. Рыбакова и других исследователей обнаружить основы формирования государства и феодального строя в Восточной Европе уже в VIII в. Поскольку ни письменные известия, ни археология не давали для этого оснований – массовый материал относился к патриархальной “крестьянской цивилизации” без отчетливых следов не только социальной, но и имущественной дифференциации, – то возникли: тенденция к реинтерпретации давно известных археологических материалов (“древности антов” VI–VII вв., условно поименованные так еще А.А. Спицыным, были переименованы Б.А. Рыбаковым в “древности русов”, хотя о Руси в это время не было известно), желание приписать славянам богатейшие комплексы Приднепровья VII–VIII вв. вроде Перещепина и Вознесенки (современные исследователи считают их захоронениями предводителей кочевнических объединений – болгар или хазар) и т.д. вплоть до недавних попыток В.В. Седова локализовать “каганат русов” на территории волынцевской культуры VIII – первой половины IX в. в левобережье Днепра, хотя хакан и не каганат, а “остров русов”, упомянуты арабскими источниками лишь в конце IX в.⁶

В действительности данные летописи подтверждают “внешние источники”, в первую очередь – сочинение Константина Багрянородного “Об управлении империей”, которое свидетельствует о “кружении” дружин “всей руси” по племенным землям их данников-пактиотов, именуемых славинями. Этот процесс назывался полюдьем. Во время полюдья (зимой) русь кормилась у подданных (“людей”) – славян, летом же, собрав и купив у них однодеревки, дружина отправлялась в Византию. Механизм полюдья, в целом близкий норвежской вейцле (охарактеризованной А.Я. Гуревичем), уточняется летописными данными: дружина не кружила по всем землям славянских племен, ее вожди – представители княжеского рода и воеводы (архонты у Константина) – получали право собирать дань с земель того или иного племени. Заметим, что скандинавская параллель здесь не просто “типологическая”: одни и те же скандинавские дружины, во главе с одними теми же предводителями могли служить русским князьям, английским королям и византийским императорам, вполне вписываясь в разнообразные социальные отношения – “ленно-вассальные” на Западе и связанные с рецепцией римского права в Византии (договор руси Олега с греками 911 г. совпадал с получением Роллоном в лен Нормандии, после принесения вассальной присяги Карлу Простоватому в 911 г.); раннесредневековый мир был единым и включал Восточную Европу, во многом благодаря тому мобильному дружинному компоненту, который в Восточной Европе получил имя *русь*. Так, своему варяжскому воеводе Свенельду и его дружинникам, отрокам, князь Игорь “дал” дань с древлян. Собственная дружина князя, не получившая ожидаемых богатств в Византии, роптала, и князь пришлось кормить ее у древлян, хотя славяне протесовали, заявляя, что князь уже взял всю дань. Восстание древлян закончилось расправой над Игорем как над преступником – “волком”, который нарушил право, т.е. взял дани больше, чем предусмотрено было договором – “рядом”. Вдова Игоря Ольга идет на переговоры с древлянами и даже по “племенному” праву соглашается на “компенсацию”, замужество с древлянским князем Малом, но в действительности мстит древлянам за мужа при помощи изощренных ритуалов; последняя ее месть – избивание древлян на тризне по мужу, на его кургане, возведенном возле града древлян Искоростеня.

За местью и конфликтом следует реформа государственного права; полюдье заменяется системой даней, которая собирается не во время разъездов дружины, но на специальных пунктах-погостах, куда дань свозится стоящим там дружинникам. Ольга отмечает свои “знамянья, места и повосты, становища и ловища” не только в Деревской земле, но и на севере, на реках Новгородчины и Псковщины. Летопись специально называет также ее град Вышгород – киев-

ский пригород, и село Ольжичи. Эти летописные тексты Б.Д. Греков воспринимал как свидетельство становления феодального землевладения на Руси⁸.

Из летописи неясно, насколько формирующееся княжеское домениальное хозяйство влияло на сложение общей системы землевладения, но очевидно, что конфликт княжого и племенного права, подробно описанный в летописи, был важен для информаторов летописца: показательны также отсутствие перечня племенных земель (кроме древлянской) в описании реформы Ольги: важнее были коммуникации – реки, на которых и были основаны погосты.

Значение термина “погост”, с середины X в. вошедшего в русскую административную систему как обозначение центра территории, с которой собирались налоги (дань), включает характерную черту, связанную с “гостьбой”, торговлей, обменом. Заметим, что и в эпоху господства полюдья дружина должна была оплачивать услуги поданных – *покупать* у них лодки для похода на Византию; такого рода отношения Б.Н. Флоря назвал “служебной организацией”⁹. Поселения X в., связанные с этими функциями, исследованы археологически на важнейших водных магистралях Руси. Это Гнездово на верхнем Днепре, Тимерево и др. на верхней Волге, Шестовица на Десне под Черниговом, сходные поселения на Луге и др. Рядом с поселениями располагаются, как правило, обширные курганные группы, включающие так называемые дружинные курганы. Вероятно, к этим погостам следует отнести и Городище под Новгородом, где продолжала стоять дружина и после того, как княжеская резиденция переместилась из Новгорода в Киев. Судьба этих поселений различалась по мере развития собственно городской сети. Городище стало экстерриториальной резиденцией новгородского князя, Гнездово превратилось в центр сельской округи Смоленска, жизнь на прочих заглохла. Место погостов в процессе градообразования дискутируется, как дискуссионным остается и вопрос о том, какое поселение можно считать городом в древней Руси. Достаточен ли собственно древнерусский признак – наличие укреплений – “града”? Заметим, что многие погосты лишены значительных укреплений, обширные селища вокруг небольшого городища, как правило, не укреплены. Зато на погостах очевиден “признак”, являющийся определяющим показателем для города – там перераспределяется прибавочный продукт. Свидетельством этого перераспределения оказываются не только данные о покупке русью ладей у данников, но и многочисленные клады, накопление богатств на погостах. Археология вообще много дает для характеристики социальной структуры в “языческий период”, когда разные погребальные обряды отмечают разные социальные категории. Так, и среди дружинных курганов выделяются монументальные насыпи, так называемые большие курганы,

которые содержат не только предметы вооружения и богатого убранства, но и следы особого культа: на Руси и в Скандинавии они традиционно считаются княжескими, и сравнительные исследования показывают, что это не просто археологическая метафора. Большие курганы венчают “ансамбль некрополя” крупнейших курганных групп: в Гнездове под Смоленском и в Чернигове (в Киеве княжеские курганы были сnivelированы в процессе роста города). Представители русского княжеского рода были погребены в центрах, контролировавших важнейшие регионы Русской земли, – верхний Днепр (переход из днепровской водной системы в волховскую), центр левобережной земли северян (Чернигов); в центре земли древлян был насыпан курган Игоря, и древляне были вынуждены участвовать в тризне по князю: его могильный памятник воплощал власть княжеского рода над покоренной племенной территорией.

Дружинные курганы являют иерархию погребальных обрядов и процесс окняжения Русской земли: с середины X в. (время реформы Ольги) распространяется специфический дружинный обряд погребения воина (часто с конем) в камерных гробницах. Эти погребения известны как в самом киевском некрополе, так и в Гнездове, на Черниговщине, и, что немаловажно, в Верхнем Поволжье. Колонизация этого региона – ополья с плодородными почвами, ставшего центром формирования Ростово-Суздальской земли и последующего Московского государства, продолжалась и велась, очевидно, под эгидой дружины – княжеской власти. В процессе распространения дружинных погребений усматривали отражение процесса “оседания” дружинников на землях подданных: конечно, из этого процесса нельзя делать выводов о феодализации, наделении дружинников ленами, но то обстоятельство, что дружина располагала кладбищами вне упомянутых крупных погостов, особенно на северянской Черниговщине, включенной в состав среднеднепровской Русской земли в узком смысле (домена киевского князя при Владимире Святославиче), означало, что дружина могла располагать земельными угодьями (Б.А. Рыбаков¹⁰). Заметим, что как погосты, так и города располагались на пахотных землях: таковыми были Новгород и Гнездово – под курганами разросшегося некрополя обнаружены следы пашни.

Дифференциация внутри русской дружины отражена источниками: характерно, что наряду с архаичной славянской терминологией, делящей дружинников на старших (мужей) и младших (отроков, детских), сформировалась и “экзогенная” терминология, выделяющая бояр (бояр – книжное, болгарское или хазарское происхождение термина дискутируется) и гридей (княжеская стража, слово скандинавского происхождения). Еще более дифференцированную структуру передает Русская правда: к дружинникам русинам там относятся гридин, купчина, ябетник, мечник. Однако эта дифференци-

ция не дает представлений об отношениях вассалитета. В Русской правде, представляющей дружинное “корпоративное право”, нет речи об отношениях дружинника и князя. Конечно, знаменитые “пиры” князя Владимира Святославича ярко демонстрируют архаическую социальную функцию пира, которую продемонстрировал в своих работах А.Я. Гуревич: любивший дружину Владимир думал на пирах с ней о “строем земле” и о ратях, распределяя богатства – золото и серебро.

Проблема вассальных отношений проясняется в ранних летописных сюжетах, посвященных конфликтам внутри правящего слоя: один из таких конфликтов связан с началом княжения в Киеве Ярополка Святославича (975 г.). Сын старого киевского воеводы Свенельда охотился и, увлекшись преследованием дичи, столкнулся с охотой князя Олега Святославича, которого отец посадил в правобережной Древлянской земле. Олег убил дружинника, ворвавшегося в его угодья. Желая отомстить за сына, Свенельд уговорил Ярополка пойти на своего брата и “принять его волость”. Киевский князь напал на древлянского и “приял его власть”. По “Русской правде”, однако, отец должен был мстить за сына по праву кровной мести. Можно считать, что месть Свенельда была изощренной, сам он не мог мстить представителю княжеского рода, но натравил брата на брата, князь же считал себя обязанным мстить за своего дружинника-вассала. Этот существенный для всей дальнейшей русской истории конфликт позволяет сделать еще одно предположение о характере власти в древней Руси: А.Я. Гуревич предостерегает в своей статье от сближения пожалований вейцлы дружинника норвежского конунга с фьефами или ленами (как это делал Маркс в отношении Руси)¹¹, ибо это пожалование не носило наследственного характера; в инциденте со Свенельдом можно подозревать, что киевский воевода относился к Древлянской земле как к волости, с которой он имел наследственное право получать дань и “корм”, почему и отправил туда своего сына.

Яркий пример верности вассальным связям на Руси являет дружинник князя Ярополка Варяжко. После убийства этого князя варягами Владимира (978), Варяжко бежит к печенегам и продолжает воевать с Владимиром, пока тот не “привабил” дружинника, дав ему клятву. Клятва верности есть уже вариант омжа – отношений взаимной верности между сеньором и вассалом¹².

Итогом распрей было единовластие Владимира Святославича в Киеве и новая реформа, связанная как с правом, так и с идеологией. Владимир крестил подвластную ему Русскую землю. Информация о методах и степени христианизации разноречива: расхожим представлениям о крещении огнем и мечом противостоят летописные мотивы относительно мирного обращения всех подданных вслед за кня-

зем и дружиной. Археология определенно свидетельствует о том, что на рубеже X и XI вв. повсюду в городах и селах языческий погребальный обряд кремации сменяется христианизированным обрядом ингумации. Это означает, что у князя и его дружины хватило сил контролировать повсеместное обращение подданных. Другая проблема, которую следовало разрешать методами государственного администрирования, – содержание церковной организации. Очевидно, что Владимир не смог следовать здесь византийскому и европейским образцам, обеспечивая церковь землями с зависимыми людьми. Он прибег к архаичному каноническому праву, Второзаконию, и дал церкви *десятину* от княжеских, государственных доходов. Можно заключить вслед за отечественной историографией, что политический строй древней Руси уже в X в. кристаллизовался в форме “государственного феодализма”, или раннего феодализма (Л.В. Черепнин), где государство выступало в лице коллективного сюзерена – княжеского рода в роли собственника всех подвластных ему земель, присваивающего доходы (дань), опираясь на дружину, формирующееся вооруженное “сословие”.

Именно церковь являлась, однако, идеальным феодальным институтом, и не случайно первый дошедший до нас древнерусский феодальный акт (прямых актовых данных о раздаче земель светским феодалам нет) был связан с пожалованием киевским князем Мстиславом Владимировичем волости Буйцы со всеми доходами – “данными, вирами и продажами” – монастырю св. Георгия в 1130 г. Можно считать, что этот акт знаменует конец “раннефеодальных” отношений, сводившихся на Руси по преимуществу к взиманию дани и кормлению дружины в городах и селах. Для киевского князя Всеволода Ярославича в конце XI в. “печаль бысть от сыновець своих (представителей младшего поколения княжеского рода, “племянников”), яко начаша ему стужати, хотя власти ов сея, ово же другие: сей же, омиряя их, раздаваше власти (волости) им”. В XII в. традиционными становятся и вассальные отношения между старшими князьями и князьями-подручниками, наделенными волостями (В.Т. Пашуто¹³). Начинается дележ “черных волостей” и создание вотчинной системы (В.Л. Янин¹⁴).

Со спецификой вотчинной системы на Руси связано еще одно вполне очевидное обстоятельство, обнаруживающее различие между Восточной и Западной Европой. На Руси не было каменных замков, те немногочисленные укрепленные пункты XI–XII вв., которые в отечественной историографии иногда трактуются как “замки феодалов”, скорее всего, представляли собой погосты, центры, куда свозилась дань, подати. Вотчинники предпочитали селиться на своих усадьбах в городах (Б.А. Рыбаков называл их “коллективными замками”) – центрах волостей, где под властью князя или боярского веча (как в Нов-

городе) распределялись доходы правящего слоя. Можно заметить, что традиционная усадебная застройка, в том числе боярские усадьбы в Новгороде с мастерскими и подсобными постройками, характеризующая планировку русских городов с древнейшего периода, может быть увязана с формированием земельной собственности уже в X в. Во всяком случае, новгородская берестяная грамота № 424 начала XII в. свидетельствует о продаже городских дворов на Руси как об обыденном явлении: “отъ Гюргя к отъчеви и къ матери. Продавшше двор идите же семо, Смольнъску ли Кыеву ли. Дешеве ти хлебе. Али не идете, а присъ[ли]те ми грамотичу, сторови ли есте”¹⁵.

“Суд историков” не должен сводиться к абсолютизации исторической специфики, равно как и к сведению исторических реалий и исторической специфики к неким “общим местам” и понятиям, которые устоялись не только в науке, но и в естественном языке: уже то обстоятельство, что термин “феодализм” присутствует в языке современной культуры, определяет его право на существование. Собственно, для историков важно для взаимопонимания сохранять представления о некоем метаязыке научного описания¹⁶, и автору представляется, что термин “феодализм” прочно вошел в этот язык, древнерусская же культура, если пользоваться словами А.Я. Гуревича, имела *феодалъную ипостась*.

¹ Греков Б.Д. Избранные труды. М., 1959. Т. II. С. 440–477. И.Я. Фроянов (Древняя Русь. СПб., 1995) справедливо подвергает сомнению “классовую сущность” государственных отношений и социальных конфликтов в древней Руси, которая постулировалась советской историографией.

² Ср.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 17; Соловьев С.М. Соч. М., 1991. Кн. 7. С. 16. Существенно при этом, что Соловьев усматривал в отношениях подданных и князя, собирающего дань, “выход племен из особого родового быта” (Там же. Кн. 1. С. 216).

³ Ключевский В.О. Соч. М., 1987. Т. 1. С. 155.

⁴ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 109.

⁵ Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII в. // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 4. По Марксу, эта система была “естественным следствием примитивной организации норманнских завоеваний”.

⁶ Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 255 и след. См. также дискуссию: Славяноведение. 2001. № 4.

⁷ При этом Роллон стал раздавать земли соратникам, создав в Нормандии “образцовую” феодалъную иерархию. Ср.: Дуглас Д.Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. СПб., 2003. С. 42–43; Джонс Г. Викинги. М., 2003. С. 228–231.

⁸ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 242 и след.

⁹ Флоря Б.Н. “Служебная организация” у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодалъных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 142–150.

- ¹⁰ Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 11. С. 51. Ср.: Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 159.
- ¹¹ То обстоятельство, что передача дани “существенно отличалась от земельного пожалования”, подчеркивал (вслед за А.Е. Пресняковым) и А.Л. Шапиро: О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 68–69.
- ¹² Такой вариант оммажа при заключении мира между враждующими сторонами известен западному Средневековью – см. пример в статье А.Я Гуревича (наст. вып. С. 11–49). Ср. также о Свенельде и противопоставлении верного вассала Варяжко изменнику воеводе Блуду в летописи: Миникова Л.В. Отношения сюзеренитета – вассалитета домонгольской Руси: Историография. Источники. Право. Социокультурный феномен. Ростов-н/Д., 2005. С. 90 и след.
- ¹³ Пашуто В.Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 51 и след.
- ¹⁴ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 241 и след.
- ¹⁵ Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М., 1998. С. 211.
- ¹⁶ Не случайно инициаторами круглого стола, посвященного феодализму, недавно был издан “Словарь средневековой культуры” (М., 2003).